

Самарская областная универсальная научная библиотека
Самарская областная организация молодых литераторов
Самарская областная писательская организация

Сестра таланта

Сборник работ финалистов
международного конкурса короткого рассказа

Самара

2021

С 28 Сестра таланта: Сборник работ финалистов международного конкурса короткого рассказа. – Самара, 2021. – 68 с.

Сборник работ участников ежегодного конкурса короткого рассказа «Сестра таланта». Конкурс проводится Самарской областной универсальной научной библиотекой совместно с Самарской областной организацией молодых литераторов и Самарской областной писательской организацией.

Дорогие читатели... и писатели!

В 2021 году Самарская областная универсальная научная библиотека уже в восьмой раз провела конкурс короткого рассказа «Сестра таланта». Участниками стали **759 авторов из 451 населенного пункта России и мира**. Были приняты рассказы из 11 стран, среди которых: Испания, Великобритания, Германия, Норвегия, Сербия, Молдавия, Беларусь, Украина, Армения, Туркменистан, Казахстан. Партнерами конкурса стали издательская платформа «Литрес. Самиздат» и сеть книжных магазинов «Читай-город».

И мы рады представить вам сборник работ лауреатов конкурса «Сестра таланта – 2021»!

На мастер-классе перед церемонией награждения победителей мне задали вопрос: «Какая тема была основной в этом году?» Я задумался и понял, что действительно много работ было связано с изоляцией. Мы пережили этот год в своих квартирах, что отразилось и на творчестве. Много было рассказов об одиночестве, о самом себе. Но помните: пока у вас есть литература, вы не одиноки.

Андрей Олех,
писатель, обладатель
литературной премии «Дебют»,
член жюри конкурса «Сестра таланта»

Состав жюри

VIII Международного конкурса короткого рассказа «Сестра таланта»:

- Евгений Бабушкин – писатель, журналист, музыкант, лауреат литературной премии «Дебют»;
- Андрей Геласимов – писатель, доцент Литературного института им. Горького, автор текста для «Тотального диктанта» в 2020 году;
- Александр Громов – председатель Самарской областной писательской организации;
- Денис Домарев – председатель Самарской областной организации молодых литераторов;
- Дмитрий Емец – российский писатель-фантаст;
- Максим Замшев – писатель, главный редактор «Литературной газеты»;
- Денис Либстер – писатель-сказочник;
- Андрей Олех – писатель, обладатель литературной премии «Дебют»;
- Софья Сыромятникова – руководитель Центра поддержки и развития чтения Самарской областной универсальной научной библиотеки.

ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА-2021**Возрастная категория «12-17 лет»****Виолетта Кунина*****Лауреат 1 степени, 13 лет, г. Оренбург*****Кот Шредингера**

Желтые и алые листья кружились в неуловимом танце на фоне неба, затянутого серыми тучами, скрывавшими солнце от взоров. Вот уже две недели пестрые ковры украшали прежде серые мрачные улицы. Деревья были разодеты в пышные золотые костюмы. Сизый туман окутал город. Всюду, куда хватало глаз, простиралась осень, окончательно вступившая в свои права. Как же это было красиво! Город, словно объятый языками пламени, сгорал, чтобы весной возродиться вновь, подобно волшебной птице феникс. Тогда листья снова зашуршат под кронами деревьев, лучи ясного солнца забегают по зеленой мураве и птицы заведут свои трели. Затем вновь осень раскрасит все ярким багрянцем... Вместе с осенью приходит и тоска, горькое осознание, что нельзя повернуть время вспять и прожить жизнь заново, вернуться в то время, когда не было места заботам, переживаниям и горю...

Черный кот сидел на крыше четырехэтажного жилого здания в центре города и бесстрастно наблюдал за прохожими, сновавшими внизу, кутаясь в однотипные темно-серые плащи в надежде спастись от ледяного ветра. Неуверенно заморосил дождь, где-то вдали прогрехотал гром, и всех людей как ветром сдуло.

Только кот не чувствовал холода. Уже много лет он ничего не чувствовал, все продолжал глазеть на пустые улицы города рыжими глазищами, превратившимися в узкие щели. Он зажмурился от удовольствия, когда ветер затрепал его черную шерсть, и задрал голову, чтобы тон-

кие струйки воды скатились по его шее, на которой красовалось крошечное белое пятнышко, чем-то напоминавшее галстук.

Как прекрасна осень! Как прекрасен дождь, когда небеса словно оплакивают его душу, которой не суждено подняться ввысь и обрести покой, а придется жить в этом мире вечно!

Вот уже двести лет кот Шредингера волочит свое существование на земле, став однажды жертвой эксперимента одного ученого, Эрвина Шредингера, в честь которого получил свое имя. Сумасшедший ученый запер его в стеклянной коробке вместе с дьявольской машиной, полной ядовитого газа, с радиоактивным ядром, которое могло распасться в любой момент. Если бы оно распалось, кот бы умер, если нет – остался бы невредим. Только чтобы узнать, распалось ядро или нет, нужно было заглянуть в коробку, а до этого момента кот был одновременно и жив, и мертв. Он прекрасно помнил это чувство даже спустя двести лет: его ослепила адская боль, которая, казалось, разорвет его грудную клетку изнутри, и в следующую секунду он буквально задохнулся ею, сердце бешено забилося в груди, его хвост распушился настолько, что стал напоминать рождественскую елку. Кота охватил дикий ужас, он пытался выбраться, царапая коробку изнутри...

И вдруг боль иссякла, а на смену ей пришла пустота. Он так и застыл, стоя в коробке, ничего не чувствуя. Время остановилось для него, он совершенно не понимал, что с ним и где он.

Из транса его вывел свет, который внезапно ворвался внутрь коробки. Кот глянул вверх и увидел перед собой лицо ученого, который посадил его в камеру пыток. Ему захотелось оказаться как можно дальше от этого сумасшедшего человека, который обрек его на адские муки, захотелось убежать, спрятаться...

И кот исчез. Растаял в воздухе, словно и не было его в этой злосчастной коробке, и очутился за спиной Эрвина,

и оторопел, не понимая, как так произошло. Ученый был в не меньшем шоке. Он завертел головой в поисках кота, а тот, едва желая быть найденным, счел нужным выметаться оттуда как можно скорее.

Много времени прошло с тех пор. Кот Шредингера хорошо освоил свои новые способности и привык к ним.

Ему не нужны еда и вода, чтобы жить, ему не нужен воздух, чтобы дышать, он не мерзнет в самые лютые морозы. Он бессмертен. И хоть много чего ему довелось повидать за свою долголетнюю жизнь, изменения в окружающем мире всегда его поражали.

За двести лет появились машины – гигантские железяки на колесах с ужасающими светящимися в темноте глазами. Пару раз коту довелось оказаться под колесами этих чудищ. Он понимал, что бессмертен, но перед лицом железного монстра испытывал жуткий трепет. Как-то, врезавшись в машину, кот отлетел на пару метров, едва не превратившись в лепешку. Больно не было, но и особо приятно тоже не было, и впредь он старался не попадаться на пути этих страшилищ.

Много чего изменилось в мире. Прежними остались лишь люди, и хоть за двести лет они поменяли одежду, прически и многое другое, все же остались бездушными жестокими тварями, которым ничего не стоит пнуть беззащитное животное, которое подошло к ним слишком близко, прося пищу и ласку. Кот уже и не помнил, сколько камней прилетело ему в спину, покрытую шрамами, сколько раз на него замахивались...

И кот ненавидел их всем сердцем. Ненавидел такой страшной, лютой ненавистью, на которую только была способна его душа.

Вновь раздались раскаты грома. Ветер срывал с деревьев золотые наряды, ливень вовсю барабанил по крышам. Кота уже нигде не было видно.

Елизавета Курочкина

Лауреат 2 степени, 16 лет, г. Иваново

Брусника

Запись в дневнике от 21.03.2017.

А`мын эвы □ ан тури ын □ ин вальторыэ

Означает примерно:

«Вот, оказывается, вы какие»

(По-моему, очень даже поэтично!)

Ближе к вечеру всё-таки вышел прогуляться, несмотря на протесты местных. Было ли это ошибкой? Не знаю. Тогда я потерял ориентир – огромную красную тряпицу, вздёрнутую на ветке какого-то облезлого куста.

Однако, кажется, я почти нашёл её.

Не тряпицу, конечно же. Лису.

Напомню: есть в мире лишь одна такая лисица, белая... Нет, скорее не белая, а серебристая, цвета снега в полнолуние, цвета, режущего глаз, как яркий дневной свет после ночи у монитора. С брусничными глазами. Не могут ведь у лисы быть брусничные глаза! Могут быть цвета неба, цвета сосновой коры, цвета спелой морошки, в конце концов. Но не брусники.

Так вот. Бродит, скитается эта лисица по миру, единственная в своем роде. Говорят, если посмотреть в её глаза, то можно увидеть свою смерть. Поэтому многие остерегаются, носят обереги из засушенной брусники и придумывают заклинания (лексически очень богатые!).

Зачем я, такой дурак, пошёл один в поле накануне метели? В сказку, думаете, поверил? Да вот, в посёлке недавно услышал, что лиса чудная бегаёт по поляне ночью. Вся белесая, а глаза красным светятся. Внутри у меня что-то загорелось, плюнул на работу. Успею ещё бабушкиных легенд послушаться.

Шёл я вдоль сугробов, или они шли вдоль меня. Было сложно понять. Думал, что занесёт меня, что умру прямо в снежном гробу вместе с блокнотом. Кто же собранные уэленские рассказы мои классифицировать будет?

Но вот вдалеке показались огни, ну, скорее огонёчки. Спасён! Сил, правда, не было идти. Дополз как-то. Стукал, стукал в окна, в двери, в стены. Дверь открыли.

После такого приключения в духе «Белого безмолвия» Джека Лондона хотелось упасть и заснуть. Хозяйка хижинки стояла прямо передо мной, внимательно приглядываясь. Она была немолода. Подслеповатые глаза с бельмами, седые волосы, улыбка, вполне добродушная. Разговаривала она по-русски, но с большим акцентом. Бабуля согласилась дать мне приют, чтобы переждать непогоду, и пообещала рассказать о себе. Было видно, что ей, одинокой старушке, радостно видеть живого человека.

Она много говорила о животных. Они любили пожилую женщину, а она носила зверькам еду. Бабушка рассказывала анекдоты про пугливых волков и глупых медведей. На мой вопрос про белую лису она лишь усмехнулась и едва заметно погрустнела. Потом старушка объяснила, что той лисице нечем кормить деток, потому что они не едят «простой пищи». Пояснять мне что-либо дальше она не собиралась.

Наступила ночь. Прямо сейчас сажу за письменным столом и пишу в блокнот. Кажется, я в ловушке. Несколько минут в стены дома громко скребутся, кричит и воет зверьё. Хозяйка ушла навестить своих дорогих «питомцев». Почему она живёт отшельницей? Откуда у неё так много еды, хорошей мебели в этом бедном регионе. И откуда смелость выходить из дома ночью? Снова кто-то ломится. Будто бы испуганно швыряет себя об дверь.

Сохраните эту тетрадь, передайте моим коллегам из института. Здесь много материала по уэленскому диалекту. Кем бы вы ни были.

Мне страшно. Хочется включить что-то очень громкое. Джексона. Или помолиться. Как жаль, что я не знаю молитв. [Несколько непонятных символов].

Дверь вылом[али]. Кто[-то] здесь. Идут. Дверь откр[ыла] старуха-лис[ица?]. Глаза бр[усничные?]

Она зов[ёт?] корм[ить?] дет[ок?].

Далее записи разобрать невозможно.

Ульяна Рыжикова

Лауреат 3 степени, 17 лет, г. Москва

Где-то в стратосфере

Для самоубийцы Ирвин слишком много шутил.

Мою больницу и его мост на земле разделял жалкий квартал, и потому не было ничего удивительного в том, что мы встретились где-то в стратосфере.

– Эй, приятель, – крикнул я, увидев бледное пятно на синей простыни неба, – далеко тут до рая?

Пятном оказался долговязый парень, застывший в воздухе в позе по-турецки с закрытыми глазами. Что еще я мог у него спросить? Он выглядел так, словно лично жал руку Христу и вот уже две тысячи лет висит тут, познавая сущность бытия.

– Тебе что, впервой что ли? – безразлично ответил он, не поднимая век.

Я завис рядом с ним, размышляя, приходилось ли кому-нибудь умирать дважды.

– Да не парься, – он наконец окинул меня скучающим взглядом. – Я здесь все выходные болтаюсь.

– Совсем один?

– Как видишь.

– Странно. Мой врач говорил, что каждую секунду в мире умирают три человека.

– Тогда неудивительно, что ты торчишь здесь со мной. С таким-то врачом, – парень выдавил желчную ухмылку. – Умирают-то, может, и умирают. Да только разбирают их сразу. Ну, ты понимаешь...

Теперь он смотрел так, словно меня только что приняли в тайный орден бестелесных ошметков жизни.

– А мы с тобой загрязняем небесную экологию. И главное... – вдохновенно продолжал он, – что со мной-то все понятно, но ты! Ты же нормальный! Нормальный?

Я оглядел свою отвратительную больничную рубашку. Не зная, что он имел тогда в виду, неуверенно кивнул. Мне с детских лет жали руку со словами «Ну хоть один у вас адекватный». И я этим гордился.

– Так значит... это навсегда? Может, нужно немного подождать? – растерянно спросил я, всерьез оглядываясь в поисках кого-нибудь из взрослых. Но мы действительно были одни.

– Жди, пожалуйста! Хоть целую вечность жди! – зло выплюнул парень.

– А ты не пробовал... ну, знаешь... – я задрал голову вверх.

– Тут нам с тобой не по пути, приятель, – ответил он негромко и поплыл к дремлющему городу вместе с мягким ветром.

– Я Питер, кстати, – крикнул я ему вдогонку, увязавшись следом.

– Ирвин.

Он вдруг замер, вглядываясь в прожилки улиц. В мрачное здание больницы шмыгнула, шатаясь, женщина.

– Ей там что надо? – пробормотал себе под нос долговязый и направился к прозрачным дверям, из которых круглые сутки лился тревожный холодный свет.

Я поплелся за ним, боясь остаться одиноким призраком и сидеть по-турецки до второго пришествия.

В последние месяцы моя аллергия на городской госпиталь обострилась настолько, что я мечтал покинуть его абсолютно любым способом. Мысленно попрощался с отцом и сестрой, приятелями и бывшей девушкой, бесполезными лекарствами и терапиями, медсестрами, доктором Штерном и даже с главврачом, которого никогда в глаза не видел. И слава богу. Я сказал себе: «Я готов умереть» – и попробовал подумать о чем-то возвышенном. Я чувствовал себя героем, Гарри Поттером, шагающим в лес на встречу с Волан-де-Мортом.

И кем я буду, вернувшись сюда вновь? Что подумают обо мне преставившиеся соседи?

Ирвин крался по коридорам за зыбкой старушкой. Я шел следом, разглядывая бегущих мимо и сквозь меня врачей.

– Он здесь, миссис Росс.

Мы с Ирвином юркнули в темную палату. Встали по бокам от едва вздрагивающей женщины.

Тело, обмотанное проводами, выглядело ужасно. Если бы я был человеком, меня бы стошнило.

– Ну, зачем, зачем!.. – сокрушенно застонал мой приятель, – Идиоты! А говорили, что мост – надежный способ...

– Ирвин...

Гостья подошла ближе, пытаясь разглядеть на сером лице черты своего сына.

– Смотрите-ка, материнская любовь проснулась! Пойдем отсюда, Питер.

Я смотрел, как зачарованный, на маленькую, склонившуюся над койкой фигуру. С опаской коснулся ее плеча, и жгучая боль потери вспыхнула во мне – ее боль. Затем вылетел в коридор, полыхающий электрическими лампами.

До смерти захотелось увидеть своих.

Я летел вместе со светом, потому что теперь, лишенный тела, был способен на многое. Боль обратилась ненавистью к мальчишке, вместе с которым я застрял между мирами.

Лампа у моей палаты испускала дух и уже не могла бороться с ночной тьмой. Внутри никого не было. Не было даже меня. Я нырнул в комнату и уставился на одинокую рамочку на тумбе. На фотографии улыбались властители моей жизни. Улыбалась даже уже облысевшая мама. Она ведь тоже не имела права лишать нас своей улыбки. Но у нее, как и у меня, просто не было выбора, верно?

Тишину разрезала сирена – доктора бросились спасать еще чью-нибудь несчастную улыбку.

А я проснулся.

Сиреной гремел над ухом будильник: электронные часы кричали о наступлении полуночи. Я лениво ударил отбой и перевернулся на другой бок.

Сегодня мост и река обойдутся без свидания со мной. Мама бы этого не хотела. А Ирвин пусть дальше сидит по-турецки и познает сущность бытия.

ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА-2021**Возрастная категория «18-24 года»****Лидия Леонтьева*****Лауреат 1 степени, 23 года, г. Уфа*****Уж**

Он был, как говорили вокруг, злым и обиженным на весь мир. Часто рвался подраться с кем-нибудь, первый в классе попробовал курить и пить водку, прогуливал уроки. Когда он не приходил в школу, это было особенно заметно, потому что становилось тихо и, на мой взгляд, скучно.

Как-то раз учительница сказала про него: «Змее-ныш». Я не стала спорить с ней, потому что старших надо уважать, но подумала про себя, что если так, то он – Уж, безобидный, когда его не трогаешь. Просто такой человек и все, я уверена, это способ защиты от всего вокруг. В глубине души Уж очень страдает.

В инстаграме пишу, что все идет из детства, мама тоже так говорит, поэтому, скорее всего, так и есть. Я немного изучала психологию и точно могу сказать, его явно недолюбили. Не знаю, есть ли у него родители, потому что они не ходят на собрания.

У него реально змеиные глаза, такого желтоватого цвета, а взгляд застывший, даже немного неживой. И когда он смотрит на тебя, то прямо в душу, так пронзительно, что я чувствую движение в груди и в животе, будто он там копается и выискивает глубоко спрятанные тайны.

Я круглая отличница, с круглым лицом, круглой фигурой и вдобавок ко всему – круглая дура. Потому что влюбилась в Ужа! Я никогда никого так не любила, у меня все тетрадки исписаны любимым именем. Иногда Уж за-

мечает, как я на него смотрю, и кивает головой вверх, спрашивает типа: «Что?». А ничего!

Наверное, Уж догадался или ему сказали, что я его люблю. Он не просит у меня списать домашку и совсем не смотрит. С ним хорошо общается Лера, а она знает, что я его люблю. Она еще с ним села сегодня на географии за последнюю парту и весь урок хихикала. Мне даже с первой было слышно, как они ржали. Наверное, смеются надо мной.

Лера ему больше подходит, чем я. Она тоже пьет и курит, тусуется на «вписках», а еще очень красивая, все мальчики в нее уже перевлюблились.

Я решила к нему подойти после уроков. Как только прозвенел звонок, ему не нужно было собирать портфель, потому что он ничего с собой не таскал, кроме сигарет в кармане куртки. Я быстро запихала учебники в сумку и побежала за ним, чтобы успеть догнать. Он уже миновал школьный забор и закурил. Я выбежала, без шапки, без царя в голове, с одной туфлей на ноге: «Эй, подожди!».

Уж обернулся и сверкнул своим змеиным взглядом, как будто немного разозлился: «На ЭЙ зовут лошадей, слыхала такое?».

– Я лошадей никогда не видела вживую...

Почему-то ему стало смешно. Так, он посмеялся, значит, все хорошо и ему весело.

– Чего хотела-то?

– Сказать кое-что.

– Быстрее давай, резче говори.

Столько раз представляла себе этот момент, а в реальности все так по-другому. Надо было ему письмо с признанием передать на 14 февраля. Почему сейчас не февраль, и кто придумал эту осень!

– Алло, я с кем разговариваю? Если мозг мне грузить будешь, то...

Он развернулся и начал уходить, но не быстрым шагом, а медленным... Пока я собирала всю смелость, кото-

рой и так немножко, шла за ним тихонько. Уж обернулся и грубо обратился: «Эй, тебе что надо, а?».

– Я знаю, что ты только притворяешься плохим, а на самом деле ты хороший. Никто этого не видит, а я вижу. В глубине души в тебе очень-очень много доброты. И знаешь, это мне очень в тебе нравится и еще...

– Ну?

– Еще...я...

– Ну!

– Я тебя люблю!

Сначала он молчал и просто смотрел, а потом как засмеялся. Я смотрела на него и не понимала, что я такого смешного сказала? И вдруг до меня дошло, что смех – это защитная реакция. В психологии такое есть, и мне про это известно.

Когда он отсмеялся, сказал что-то вроде, что мне заняться нечем, будто я дурочка и его вообще не знаю. И что любви в мире, оказывается, нет, ее люди придумали для того, о чем мне рано пока знать, потому что я «мелкая». А если очень интересно, то можно спросить у «родаков», и после этого Уж снова долго смеялся.

Он ушел, а я осталась так, посреди улицы, с одним сапогом и туфлей на ногах. Наверное, мы также, как и они, друг другу не пара.

Вечером я подошла к маме:

– Мам, а любовь в мире есть?

– Конечно, я же тебя люблю.

– Нет, я про любовь между мальчиками и девочками спрашиваю...

Мама сказала, что обычно любят только девочки, а мальчики не умеют, что я пойму это, когда стану старше. И что главное – не показывать свою любовь мальчику, иначе он обнаглеет и запудрит мозги.

Ночью не могла уснуть – думала об Уже и о своей любви. Он в инстаграм сторис выложил, как курит кальян. На фоне пел Моргенштерн, а еще я узнала голос и смех Леры.

Раз сто переслушала, точно – она! Жаль, что я не на ее месте. А если они опять надо мной смеются? А если он ей рассказал, как я ему сегодня в любви признавалась?

Когда все-таки удалось уснуть, мне приснился сон, будто Уж превратился в настоящего змея и укусил меня. Это было очень больно.

Все-таки я для себя решила: с этого дня буду ему помогать с домашкой и с контрошками. И пусть я не Лера. Вот сяду поближе, начну краситься, одеваться, почти как она. Еще попрошу его купить мне сигареты, ведь курить же их не обязательно? Главное, он увидит, что я ему равня. И тогда хоть немного меня полюбит.

Ну, полюбит же?

Виктория Миско

Лауреат 2 степени, 24 года, г. Санкт-Петербург

О, хорошие люди снова с нами

Он делает уверенные маленькие шаги.

Так получилось, что с самого детства ноги совершенно его не слушались, и Андрею пришлось искать к собственному телу особой подход. Раньше каждую мышцу нужно было осознанно заставлять сокращаться, теперь же он просто держал колени близко другу к другу и синхронно с шагом наклонял корпус. Вот и всё. Со стороны это было похоже на движение со связанными ногами, но для Андрея в каждом шаге было очень много свободы.

Он был уверен, что такая скорость передвижения по жизни ему просто необходима. И эти мысли помогли ему научиться просто жить со своим телом. Как все.

Он делает уверенные маленькие шаги.

Хрустит снег. Рядом идёт Валя и несёт две ортопедические подушки. Подарок на день рождения. Сегодня Андрею 36, и он счастлив.

Они разговаривают о прослойке торта, который собираются испечь, и всё равно не торопятся.

– Вы проходите, а то мы движемся со скоростью черепахи! – Андрей улыбнулся и пропустил вперёд прохожих.

Он давно привык отходить к краю тропинки, чтобы двигаться в собственном темпе.

– Спасибо, – весело ответили ему парень с девушкой.

Они были влюблены. Андрей видел это по особой, будто бы застигнутой врасплох, улыбке.

Он посмотрел вслед незнакомцам – на их прямые спины, упругие ноги – и подумал о том, куда можно так торопиться поздним февральским вечером, если вы понастоящему влюблены.

– Всё хорошо? – Валя заглянула ему в глаза и подставила плечо для опоры.

– Хорошо.

Они прошли десять метров, когда поравнялись с недавно повстречавшимися людьми. Те остановились у подъезда, поставили пакеты с продуктами на землю, и девушка протянула телефон молодому человеку.

– Посмотри, что они пишут!

В привычку Андрея не входило подслушивать чужие разговоры, но он делал свои маленькие шаги и неловко расслышал:

– Ставка по кредиту, Марк! Как может ставка по кредиту настолько вырасти?! Что они о себе возомнили!

Со стороны Андрей и представить не мог, что в этой хрупкой девушке может быть столько звонкого негодования.

Хрустел снег. Андрей делал свои маленькие шаги.

– Извините, – слышалось позади.

Молодой человек держал за руку девушку, которая говорила про купленный накануне телевизор и поиски хорошего адвоката. Они быстро шагали по заснеженной тропинке.

– Так с вишней или с клубникой?

– Я люблю вишню, – тепло ответил Андрей.

Он любил всё, что делала Валя, потому что любовь, как и шаги, давалась ему медленно, а потом стала образом жизни.

Впереди они снова увидели тех незнакомцев, которые выясняли отношения. Андрей постарался сделать свой шаг ещё медленнее, и Валя ответила взаимностью, но они всё равно успели подойти слишком близко.

– Моя любовь не измеряется деньгами, Марк, но это важно! Важно иметь хоть какую-нибудь финансовую подушку.

– Уж извини, что ты вышла замуж за обычного инженера!

Андрей и не думал, что в этом молодом мужчине может быть столько невысказанной неуверенности в себе.

– В морозильной камере должна была остаться ягода, – добавила Валя.

Андрей делал свои маленькие шаги по освещённой фонарями дорожке. Он смотрел в окна и думал о том, что успевают заметить люди, когда так мчатся по жизни.

– Можно? – за спиной послышался уже знакомый голос.

Теперь молодой человек шёл настолько быстро, что за ним не успевала даже его спутница.

– И бисквит, – Валя проводила взглядом прохожих. – Ты знаешь, сколько яиц уходит на один корж?

Андрей заботливо взял из рук девушки подушки. Впереди был ещё целый вечер.

– Уходи! – воскликнули на углу дома.

Послышался раздражённый тон, громкое презрительное «Перестань». Валя вскинула испуганный взгляд на Андрея, и он успокаивающе кивнул.

– Брачный договор! Брачный договор! Да о чём ты вспомнила!

Незнакомцы стояли в двух шагах от подъезда и кричали друг на друга. Из пакета на снег высыпались яблоки. «Из них мог бы получиться вкусный пирог», – подумал Андрей.

Девушка кричала, и холодный ветер развеивал её шарф.

– Я просто хочу иметь свою квартиру. Я хочу знать, что ты разделяешь мои желания и готов ради них работать.

– Ради них жить, – фыркнул парень.

– А ты о детях?! Да мы не готовы к детям. У нас нет стабильности, как ты не поймёшь!

Андрей с подушками шагал ещё медленнее, и Валя вернула этот груз себе. Они свернули к своему подъезду.

Позади слышались резкие шаги, две пары свободных рук разрезали холодный вечерний воздух.

Парень с девушкой поравнялись с Андреем, и впервые заметили, что встречались с ним на протяжении всей дороги до дома. Они запомнили его необычную медленную походку. Их глаза встретились.

– О, хорошие люди снова с нами, – Андрей улыбнулся и сделал ещё один маленький шаг вперёд.

Незнакомцы отвели глаза и посмотрели друг на друга. Парень держал в руке телефон с открытым сайтом госуслуг для подачи заявления на развод, девушка, чтобы ничего не чувствовать, листала ленту Инстаграма. Они смотрели друг на друга несколько секунд февраля. И где-то на третьей вспомнили, что, действительно, хорошие.

И улыбнулись.

Влюблённые люди всегда по-особенному улыбаются.

Артур Ямалетдинов
Лауреат 3 степени, 20 лет, г. Уфа

Солнце, вот он я

Я стоял на привычной смене за привычной стойкой в привычном отеле, на мне были: маска, защитный экран и перчатки, а на улице и на ресепшен было +26. Было жарко и дурно, и одиноко, в общем, обыкновенный солнечный день в аду.

Я только пришёл на смену и ничего не соображал, но гостям, в общем-то, было до фени:

– Добрый день! Артур, ресепшен. Чем могу вам помочь?

– Вы знаете, мне жизненно необходима шапочка для душа, а ещё...

И в таком духе.

Ничего интересного, одна из сотен смен: звонок за звонком, заезд за заездом; «добрый день, как добрались до нас?»

– У вас что-то истошно мяучит на паркинге! – вклинилась в заезд какая-то девушка.

– Буквально один момент, сейчас я заселяю гостя и перейду к вам, – отвлекся я и вернулся к рассказу о графике работы ресторана.

Потом, конечно, позвонил старшему смены охраны. Сообщить о чем-то мяучащем на паркинге. Но не дозволился. Когда-нибудь в этом отеле научатся брать трубки. Пришлось спускаться самому – проверять, что же там такое случилось.

На парковке меня ждал Радмир, охранник, бывший полицейский. Вполне понятно, почему бывший – он был слишком приятен в общении и достаточно мягок при урегулировании конфликтов с гостями. И что-то действительно истошно мяукало. Конечно, в этот момент я

вспомнил о том, что зачастую котята залезают в машины, под капот, куда-то у днища авто. Не могу это дело описать лучше, я абсолютно не разбираюсь в машинах, как и в спорте, как и во всяких таких базовых интересах мужиков. Ладно. Котята заползают туда, потому что там тепло; залезают и не могут выползти. Почему? Не знаю. В общем, залезают они туда, мяукают, хрипнут, и это очень грустно.

Нам удалось совместными усилиями выяснить, чья это машина: для этого понадобилось отвлечь старшего смены охраны – он поднял документы по зарегистрированным автомобилям, выяснил, в чьей тачке застрял котенок.

– Добрый день! Это Артур, ресепшен, извините за беспокойство. В вашу машину, под капот, предположительно, залез котёнок. Я хочу его достать.

Гость быстро отреагировал на столь нестандартную просьбу. Через пять минут он быстро подошёл к авто, открыл капот и стоял ждал, как и Радмир, пока я достану что-то истошно мяукающее из-под капота.

Я залез туда примерно наполовину. И дело не только в том, что я сам по себе средних размеров, тут вопрос в другом: это был здоровый внедорожник (марку назвать не смогу – абсолютно не разбираюсь в авто. Ну, вы помните, мн.ув. читатели). Примерно между какой-то штукой и какой-то другой штукой сидела маленькая кошечка, глазела на меня своими голубыми глазками и мяукала. Я протянул руку к ней, она меня поцарапала и забилась куда-то вглубь. К этому моменту я уже смирился с грязной формой и залез ещё глубже.

– Ну что, как там? – спросил Радмир. Должно быть, он, как и гость, просто наблюдал и ждал, когда это уже все закончится.

Я матерился и вытаскивал кошечку.

Вселенная наблюдала.

Я поднял кошечку над собой на манер обезьяны из «Короля Льва».

– Назову ее Солнышком, – держа в руках маленький миленький комочек, сказал я.

– К себе возьмёшь?

– Ну да.

Других вариантов я не видел, а ещё мне было очень одиноко после ухода девушки, к тому же я уже засматривался на других котят в различных приютах. Одиночество становилось невыносимым, и я не мог упустить шанс с этим что-то сделать.

– Ты теперь ее крестный папка! – говорил я Радмиру.

Оставалось отработать около пяти часов. С коллегами мы оборудовали в офисе ресепшен небольшую коробочку, из ресторана я взял несколько кусочков красной рыбы, а ещё выпросил у бармена налить мне, то есть кошечке, немного молока.

Несмотря на все усилия предоставить ей максимальный комфорт, кошечка кричала, ругалась, кусала коробку, кусала бумагу, перевернула весь офис, и вообще вела себя возмутительно. Я заходил сканировать паспорта, а параллельно пытался вычислить по звукам ее местонахождение. Доделывал копии документов, брал ее на руки и аккуратненько приземлял в коробку. Коллеги-девушки умилялись. А Солнышко продолжала вести себя возмутительно.

Я нёс ее на руках, а она пялилась на меня своими маленькими голубыми глазками, мурчала и забавно двигала передними лапками. Когда мы проходили мимо стаканчика полиции, мы уже почти дошли до моего подъезда, ОЧЕНЬ громко заиграл из какой-то машины реп-трек про новый кадиллак.

– Такое мы с тобой, Солнышко, слушать не будем.

Солнышко благодарно моргнула.

Дома мы всю ночь слушали The Doors, она ходила по мне, терлась о мои ноги, и одиночество отступило и закончилось. Её жизнь только началась, как и моя, и это вполне хорошая новость.

ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА-2021

Возрастная категория «25-30 лет»

Лина Кирилловых

*Лауреат 1 степени, 28 лет,
Ленинградская область, г. Сосновый Бор*

Гипсовый человек

Сначала пришёл дед. Он прикатил по разбитой дороге в тележке канистру воды и консервные банки. Осмотрелся и решил остаться. Деду понравился гипсовый человек, хотя дожди, конечно, поглотили гипс – ужас. Дед занял крайний дом и по вечерам заунывно пилил и строгал, укрепляя, стучал, ворочал и грохал. Никто не возмущался из-за шума, потому что никого поблизости не было. Днём дед прибирался снаружи. Он нашёл в сарае возле дома серп, заточил его, как мог, и скосил высокую траву, а затем ржавой лопатой раскопал у постамента жирный чернозём. В доме, на пыльной полке над неработающим телевизором, лежали в салфетке семена ноготков. Поэтому дед посадил их – будущую клумбу. Он нашёл ещё садовую побелку и попытался освежить старый гипс. Получилось ярко.

– Зачем ты это делаешь? – спросил его парень.

Парень воспользовался новым временем, чтобы стать тем, кого видел в кино: нацепил кожаный плащ и закинул на плечо дробовик. Картину портила простуда в углу рта. Дед окинул парня взглядом снизу вверх: пропалывал взошедшие цветы.

– Не заряжен, – сказал парень деду.

– Это памятник нашему миру. Который мы потеряли.

– А, – ответил парень. – У тебя есть еда?

Дед принёс банку фасоли и ложку.

Парень сел на землю, скрестив ноги в высоких ботин-

ках. Становилось жарко, и он снял кожаный плащ. Дошкрябав ложкой до дна, парень произнёс:

– Спасибо.

– Дай мне лейку, пожалуйста, – попросил его дед.

Девушка глядела, как парень мастерит скамейку. Гипсовому человеку когда-то полагались скамейки, но сгнили, и парень исправлял положение. Дед был тут же: звенел гвоздями в картонной коробке, ища не погнутые.

– Привет, – она поздоровалась.

Парень уставился. Дед хохотнул.

Ноготки собрались распускаться. Гипсовый человек указывал вытянутой рукой в небеса. В другой руке человек держал шлем. Девушка недоумённо нахмурилась. Она вспоминала, наверное, как сидела за партой и читала учебник, где были человек и эта же весёлая улыбка. У неё самой улыбок почти не осталось. Ожог тянулся с шеи до щеки. Волосы грязно засалились. Девушка перебрала пальцами по ремню заплочной сумки. Парень перевернул скамейку на грубые ножки и предложил девушке отдохнуть, прежде чем идти дальше. Девушка согласилась. Она достала из сумки поломанный прямоугольник в фольге. Шоколад весь покрылся белёсым налетом, но был шоколадом – теперь уже редкостью. Дед сходил за закопчённым чайником и кружками. Чай густо и дымно пах печкой. На сделанной парнем скамейке места вполне всем хватало. Парень сказал, что сколотит ещё.

– Помыть бы надо, – взяла девушка опустевший чайник.

Цветы горели, как множество апельсиновых солнц. Старушка, опираясь на крепкую палку, рассматривала их. И гипсового человека. Так было раньше – цветы и скамейки у памятника.

– Стоишь же, Юрочка, – обратилась она к человеку.

– Наш прежний мир, – поведал ей парень. – Так как-то.

– А вы что?

– А мы тут живём.

Дед вырастил на огороде ещё и зелёный салат, и кабачки, и редис, и картошку. Девушка развесила чистые занавески на окнах и вымыла дом от пыли. Парень рыбачил на местном пруду и охотился. Старушке понравились они все. И гипсовый человек, разумеется.

– Выходит, не всё потеряно.

Зубцы руин за лесом казались чужеродным миражом. Растущая луна вставала каждый вечер, а человек приветствовал её, протягивая руку. Цветы сияли – и свечной свет в окнах крайнего дома.

Старушка предложила засыпать ямы на дороге щебнем.

Ангелина Ткачева

*Лауреат 2 степени, 25 лет, Самарская область,
г. Новокуйбышевск*

Муравьи

Сырой туман опустился на поле. Синее небо медленно превращалось в голубое, будто постепенно разбавляли его водой.

Ефим Андреевич приподнялся на локтях и огляделся.

– Слышь, Кирюх, – и толкнул товарища в бок. Тот бросил на него невидящий взгляд мутных глаз.

– Чего?

– Как думаешь, – хитро улыбнулся Ефим Андреевич. – Трава вот, какого цвета она настоящая? Как ночь – так черно всё, значит, чёрная? Рассвет – так в зелень превращается. Как осень – вовсе желтая. Так какой все-таки ей быть?

– Да кто её знает, Ефим Андреевич. Хоть чёрная, хоть зелёная. Хоть какая. Мне б фрицев разглядеть – и ладно. Одного им мало, так второй глаз забрали.

– Зато живой, – улыбнулся Ефим Андреевич и снял кепку. – Меня вот тоже не убьешь. Сколько раз прям вот здесь смерть, у горла, да куда там! Я ловчее! – расхрабрился он. – Мне еще своих растить.

– Ольга твоя с ними?

Ефим Андреевич поник и уставился на крохотного муравья меж травинок.

– Этот-то вернётся. Муравьи, они, знаешь... Дорогу находят здорово к себе домой-то. Далеко – а им нипочём. Муравьи мы с тобой, Кирюх. А Ольга ушла. Вот телеграмма последняя. Год как не слышать ничего.

Он достал из кепки бумажку и прищурился.

– Подписал даже, время-то, чтоб не забыть. Это мне тот сержантик карандаш дал. Жаль его.

Кирюха вздохнул.

– А я знаешь, чего думаю. Хочу хлеб печь!

Ефим Андреевич расхохотался в кепку.

– Ну насмешил! Почему хлеб-то?

Кирюха лёг на спину и заложил руки за голову. Казалось, что сейчас он отчётливо видит каждую веточку над головой, каждый молодой листочек. Он улыбался.

– Да знаешь, я как уехал, вот только с поезда сошёл, в село какое-то попал. Глянул и обомлел. Черным-черно, гари стоит, думал, умру кашлять. Всё сожгли. Иду я, значит, смотрю по сторонам. Думаю, сколько там их лежит, в домах-то. И тут слышу: «Дядя!». Думал всё, рехнулся. А нет! Гляжу – девчонка ма-а-аленькая, а в руках кулёк. Подходит – на тебе! Лялька там у неё. Я расспрашивать, что да как. Ну, ясно всё. А мне маманька моя столько в дорогу собрала, и булки, и хлеб. Я даже не думал, снял мешок да высыпал перед ней всё, хлебную гору эту. И знаешь, Ефим Андреич, я таких глаз ещё не видел. Такие они были, что подумалось мне тогда – хочу теперь только такие глаза видеть. Я человек безграмотный, чего скрывать, но, наверное, про такое в книжках пишут, про глаза такие. Счастливые, что аж до слёз. И стоим мы с ней, и я, и она, и плачем оба. Вот подумалось мне тогда – хлеб печь хочу!

Ефим Андреевич лежал на животе, положив под щеку кепку, и слушал. Стало совсем светло, но туман по-прежнему висел над полем и лесом, у кромки которого лежали Ефим Андреевич с Кирюхой.

– Это ты, Кирюх, молодец, – сказал Ефим Андреевич.
– Дело доброе задумал.

– Маленькое дело, Ефим Андреич.

– А добро, оно из дел малых и состоит, Кирюх. Ты вот, как песчинка на берегу, но если много их – то уже целый пляж. Такой не размоешь. – Эх, на речку бы сейчас.

– Тихо! – вдруг прошептал Кирюха. Ефим Андреевич поджал губы и беззвучно отполз поглубже в траву. Кирюха сделал то же самое.

Зашумело, загудело где-то далеко в тумане. Часто задышал Кирюха, а Ефим Андреевич похлопал его по плечу, не отрывая взгляда от белой пелены над полем.

– Сорок первая у тебя? – спросил Ефим Андреевич очень тихо.

– Ага.

– Наготове держи, – и достал винтовку.

Из тумана, как ленивые черепахи, показались танки, один за другим. Они ползли не торопясь, как стадо животных на водопой. Ефим Андреевич задержал дыхание. Много, как много. Вот они идут. Он прицелился.

– Кирюх, стрелять сейчас буду.

– Давай, Ефим Андреевич. Ты только это. Не промахнись.

– Не промахнусь.

Ефим Андреевич утёр пот со лба судорожным движением и прищурился. Ближе, ближе. Чтоб наверняка.

– Давай, шевелись быстрее, гад, – прошептал он, не отрывая взгляда от неспешно шагающих сонных немцев.

И тут он выстрелил. Выстрел! Еще выстрел! И ещё один!

– Iwans! – раздался вопль.

– Ещё два фрица в карман! – сказал Ефим Андреевич бодрым голосом. – Давай сюда, живее!

Кирюха протянул ему гранату. Ефим Андреевич замахнулся что было сил и бросил. Взрыв оглушил Кирюху, и он зажал уши. Несколько мгновений спустя деревья вокруг них, и трава, и холмики превратились в кашу. Щепки и земля забивали глаза и уши. Ефим Андреевич вдруг вскрикнул и свернулся в клубок, обхватив себя руками. Сколько еще пулемёты взбивали землю вокруг них, он уже не мог сказать. Когда всё утихло, он сказал:

– Кирюх. Я, кажись, брешь дал. Поминать будешь – так своим хлебом. Можешь сорта и не самого лучшего. Непривередлив я.

Кирюха не отвечал.

– Эй, Кирюх...

Немцы что-то кричали, но не подходили, и движение в поле скоро возобновилось. Вновь загудело, задвигалось. Ефим Андреевич открыл глаза. Кирюха лежал неподалеку от него лицом вниз. Кисть руки его дергалась, как будто кто-то, балуясь, тянул за ниточку. Ефим Андреевич улыбнулся побелевшими губами.

– Кирюх! Я знаю, что ты там живой. Сказать тебе хочу. Секрет один.

Кирюха не отвечал. Было совсем тихо в лесу и в поле.

– Ну и молчи. Я и так скажу. Ты вот не видишь, а я вижу сейчас. Трава-то... Не зелёная она. И не чёрная. Красная она.

Татьяна Дёмина

*Лауреат 3 степени, 30 лет,
Самарская область, с. Тимашево*

Оно живет под кроватью

Ириша лежала в кроватке и слышала, как на кухне затянули очередную песню. Она знала, что после этого последует тост, потом еще один, потом, возможно, драка. Мама будет кричать на отчима и что-то доказывать, но слов разобрать будет почти невозможно. Если дядя Петя не ушел, значит, разнимет, если нет, утром можно будет обвести синяки на мамином теле красной ручкой, и получится рисунок. Иногда у Ириши получалось из синего пятна вывести на маминой коже полумесяц, иногда дерево, а бывало, и более сложные фигуры, например, дельфина или кита.

Но сейчас она не думала о морских чудовищах — она думала о том, кто живет под кроватью.

Зарывшись в старое одеяло, она тяжело дышала, чувствуя затхлый запах старого тряпья. В маленькой комнате было темно. Окно и давно разохшуюся деревянную дверь отчим недавно обил свежим картоном, чтобы ночью девочку не тревожил свет и сквозняк. В этой темноте она слышала звуки и понимала, что «нечто» тянет длинные щупальца, изучая мусор, что лежит на полу.

— А ты боишься чудовищ? — спрашивало оно тихим, едва уловимым, шипящим голосом.

Ириша сжала одеяло, пытаясь подмять его края под себя. В этом коконе ей становилось спокойней.

— Боюсь. Очень сильно, — так же тихо прошептала она.

На кухне послышалась возня и крики матери:

— Да... Ты-ы... Я только р... ради дочки и жи-иву. А ты... И-ик... Ты хоть раз колыбельную ей спел, черт сраный?..

Опять возня, звон бутылок, хлесткие удары.

Значит, дяди Пети сегодня нет.

Из-под кровати снова послышалось шипение.

– Темнота – мой друг, и остры мои клыки. Я заберу тебя, украду прямо из теплой постели и утащу в свой мир. Сладким деткам не спрятаться.

Казалось, щупальца уже поднялись по ножке и ползли по одеялу. Ириша дрожала, вслушиваясь в неожиданно наступившую тишину.

– Ты боишься чудовищ? – повторило нечто из-под кровати.

За дверью послышались тяжелые неспешные шаги.

Ириша откинула одеяло и прыгнула на холодный деревянный пол. Осмотрев комнату беглым взглядом, девочка поняла, что спрятаться некуда. Недолго думая, она полезла под кровать.

– Подвинься, скорее, – в ужасе прикрикнула она на монстра.

Дверь в детскую распахнулась. Отчим встал в проеме, всматриваясь в темноту.

– Ир-рка, ты-ы-ы где, паршивка?

Он шатался, осматривая комнату.

– Я ведь на-айду тебя, дрянь, – прохрипел обрюзглый мужчина, сделав шаг.

Нечто из темноты опутало ноги, и пьянчуга с грохотом рухнул. Он еще барахтался, когда склизкие щупальца обвили тело и сжали, не позволяя сделать вдох. Он не мог двигаться, не мог дышать, его тело больше ему не принадлежало. В агонии он увидел красные глаза, смотрящие из-под кровати, и услышал пугающий шипящий голос:

– А ты боишься чудовищ?

Номинация «Семейные традиции»

Мария и Ирина Соляные

Победители, Воронежская область, г. Камач

Звонок в прошлое

Я такой растяпа! В очередной раз отключил звук телефона, чтобы поработать спокойно, а сам аппарат куда-то положил. Наверное, он провалился в черную космическую дыру, куда попадают все важные вещи. Я весь дом вверх дном перевернул – бесполезно! Вышел во двор (ведь на свежем воздухе хорошо думается) и встретил свою соседку – бабу Клаву.

– Что случилось, Павлик? Головушку потерял?

– Головушка на месте, а вот телефон куда-то запропастился.

– Это не беда, – говорит баба Клава, – сходи в «Бюро находок», может, там твоя пропажа?

Сунул я бумажку с адресом в карман из вежливости, а сам вернулся в квартиру и возобновил поиски. Через час рухнул без сил в продавленное кресло и думаю: «Что же делать? В этом телефоне вся моя жизнь: все контакты, все деловые записи, планы на месяц и даже год, фотографии, рецепты веганских блюд, переписка в соцсетях, рисунки... А другой жизни и нет: ни жены, ни друзей, ни интересной работы, как-то не сложилось». Я взглянул на записку: может, это мой шанс вернуть потерянное?

Странное местечко. И таксист не сразу нашел – в глубине какого-то двора, вдалеке от оживленной магистрали. Вывеска «Бюро находок» была потерята, а входная дверь – хлипкая. Я вошел внутрь и очутился в каморке, походившей на запасник какого-то музея. Чего только не было на полках: баскетбольный мяч вместе с корзиной, резиновый пупс с соской, плюшевый мишка, деловой

портфель, керосиновая лампа, резиновый сапог и всякая всячина.

За столом сидела старушка и, строго посверкивая стеклами очков, спросила:

– Как ваше имя?

– Зонтиков Павел.

– Адрес?

– Грушёвая двенадцать, квартира семь.

– Ага, телефон! – старушка ловко вытащила с нижней полки коробку и извлекла оттуда древний телефонный аппарат: красный корпус с диском, соединенный спиральным проводом с массивной трубкой. Я в недоумении взял его в руки. Такой же точно аппарат был у меня дома лет тридцать назад...

– Позвольте, но это не мой телефон, – слабо улыбнулся я.

– Как это не ваш? – нахмурилась старушка. – У меня все записано: Зонтиков Павел, красный телефон и улица Грушёвая. Всё сходится.

Я глупо хлопал глазами.

– Может, вы совесть потеряли? – осведомилась старушка, поправляя очки.

Я рассердился, схватил телефон под мышку и выскочил на улицу. Вечерело, звуки улицы смолкали, детей уводили из парка домой заботливые мамы. Мимо прошли два приятеля с боксерскими перчатками, перекинутыми через плечи на завязках. Я вертел в руках трубку старинного, вышедшего из моды телефона. А что если позвонить? Но кому... Разве что в прошлое! Кому-то, с кем нельзя поговорить теперь.

Я набрал на круглом диске свой домашний номер. Диск забавно трещал, возвращаясь на место после каждой цифры.

– Добрый вечер, квартира Зонтиковых.

– Добрый вечер, Инна Петровна, – у меня застыл ком в горле, когда я услышал родной, веселый голос мамы. –

С вами говорит тренер школьной секции по боксу. Пригласите Павлика. Он записался к нам, но ни разу не пришел.

– Конечно, конечно, вот ведь лентяй!

Как жаль, что она меня не узнала...

– Алло! – я услышал свой писклявый голос.

– Здравствуй, Павлик, это я, Игорь Матвеевич. Ты должен прийти завтра на секцию по боксу и начать упорно заниматься вместе с твоим другом Лёшей. Это очень важно.

– Почему? – недоверчиво спросил девятилетний я.

«Вот почемучка!» – чуть не воскликнул с досадой я, но вместо этого сказал:

– А потому, что от занятий в секции зависит твоя дружба с Лёшей Пуговкиным. Не будет бокса – не будет дружбы. Так и знай. Просто поверь мне. Просто пообещай. Чемпионов из вас выращу!

– Хорошо, обещаю, – растерянно ответил я сам себе, и в трубке послышались гудки. Я попытался перезвонить, но тщетно. Весь лимит удачи я исчерпал. Красный телефон я вернул в «Бюро находок».

– Помогло? – участливо спросила старушка за столом.

– Не знаю, надо проверить!

Ах, как я бежал! Но даже не запыхался. Спортивная выправка – это многолетние усилия, не сомневайтесь! Свою квартиру я узнал с трудом: стены были увешаны фотографиями поездок по всей стране, на полках стояли кубки. А в центре висел мой портрет с другом – чемпионом страны Лёшей Пуговкиным. Да, я помнил этот матч! Хотя я и выбыл в борьбе за третье место, Алексей стал чемпионом. Он своей мечты достиг. А главное – мы сохранили дружбу. Я отчетливо помнил все наши песни у костра, тренировки на спортивных базах, соревнования. Было ли всё это у меня раньше, до того, как мне дали шанс позвонить по старинному телефону? Теперь я не знаю и сам.

В коридоре послышался звук зуммера. За подкладкой

в кармане ветровки я нашел свой потерянный телефон. Сколько звонков и сообщений! И три из них от Лёши Пуговкина. В моей той, неисправленной жизни, мы не общались. Я был офисным работником, он – слесарем. Я моргнул и вспомнил: я же работаю в престижной компании по производству спортивного питания, а Лёшка – тренер молодежной сборной страны.

Я перезвонил Лёшке.

– Алло, Пашка! – весело крикнул Лёшка, – куда пропал?

– Привет! – радостно ответил я, – теперь нашёлся!

Номинация «Выбор Центра чтения»

Дмитрий Акиншин

Призёр, 29 лет, Алтайский край, г. Барнаул

Попытка

Поднимался по ступенькам медленно. Секунд тридцать – один этаж.

Второй.

Третий.

Четвертый.

Перед дверью четырнадцатой квартиры остановился. Выдохнул. Поставил пакет с продуктами на коврик. Дотянулся до звонка. Нажал мелкую пуговку. Стал ждать.

Заскрипели пружины, стальной штырь пробороздил по металлу. Щелчок.

Дверь приоткрылась, и я увидел невысокую женщину в цветастом халате. Волосы ее удерживал тонкий серебристый ободок.

– Вы кто? – спросила она.

– Из соцзащиты. Прислали к вам. Продукты принес, порошок стиральный, – небольшая пауза. – И сделать уборку.

– Заходите.

Я снял ботинки. Скинул куртку. Размотал шарф. Поправил волосы у зеркала... Взял пакеты и прошел на кухню.

– А что так много? – поинтересовалась женщина, когда я поставил продукты на стол. – Мне раньше приносили меньше.

– В этот раз выделили больше денег. Конец месяца... Тут фрукты. Вам нужно для здоровья, – замялся я.

– Поставьте в шкаф или в холодильник. Куда посчитаете нужным. Я немного устала, пойду в кресле посижу.

И вышла.

Шлейф ее духов остался мне будто на память. Я на мгновение закрыл глаза. Перестал дышать. «В этом аромате, наверное, вся ее жизнь», – подумал я.

Сложил продукты быстро.

На батарее нашел желтый лоскут ткани, намочил его и протер кухонный гарнитур. В шкафах, на холодильнике. Подоконник, пуфик кожаный не остались без внимания. Стекла тоже протер: они были мутными, в разводах. Подмел растрепанным веником линолеум. Полил цветы на полках. Смахнул пыль с листьев. Поправил вазу с цветами.

...Вошел в комнату тихо.

Женщина сидела около окна и читала изумрудного цвета книгу. Она не подняла глаз, просто сказала:

– У меня сломался пылесос.

– Где он?

– В шкафу, где зеркало.

Я вытащил новенький LG, открутил крышку. Забит. Большой ком мусора из фильтра – в корзину, сам фильтр промыл под краном. Заработал.

Не торопясь протер столик. Книги на нем. Прибрал по коробкам бумаги. Расстелил салфетку чистую, грязную – в стирку. Стекло шкафа заблестело... Заправил диван шахматным покрывалом.

За время уборки женщина ни разу не посмотрела на меня. Она продолжала читать книгу, полностью погрузившись в придуманный много лет назад мир. Периодически я поглядывал в ее сторону, пытался хоть как-то обратить на себя внимание. То ронял пульт от телевизора, то статуэтки, то еще какие-нибудь предметы. Но впустую это было <...>

В пятом часу закончил уборку в ванной. Коридор подмел. И зашел в комнату снова, чтобы спросить: «Еще нужна помощь?». Но спросил другое:

– Как вы себя чувствуете? Лекарства, может... вам принести в следующий раз?

Она брезгливо ответила:

– Лекарства? Я не больна.

– Может, какие-нибудь продукты вы хотите..?

– Купите мне сигарет. Давно мне никто не покупал их.

– Вы никогда не курили... – не закончив фразы.

– Я не курила? – и только сейчас она посмотрела на меня. В глаза. – Еще как! И много. Но вы все равно мне не купите. Поэтому наш разговор окончен, – строго и без лишних эмоций.

Я глубоко вдохнул и так же глубоко выдохнул. Хотел ей сказать... Но не то, что сказал:

– Мне пора идти. Если что-то понадобится, позвоните в соцзащиту на рабочий телефон, вам пришлют работника. Номер я записал в ваш блокнот. На холодильнике лежит.

Она не ответила.

...Закрутил шарф в коридоре. Накинул куртку. Присел. Надел ботинки и стал завязывать шнурки. Потом поднялся с невысокой табуретки и обернулся. Женщина стояла рядом. Испугался я немного. Не ожидал.

– До свидания, – чуть ли не шепотом сказал я и вышел на лестничную клетку.

Женщина за мной.

– А тебя как зовут-то? – догнал меня вопрос.

– Александр.

– До свидания, Александр.

Мама закрыла передо мной дверь.

Светлана Лукошкина

Призёр, 27 лет, Краснодарский край, г. Армавир

Не Ассоль

Осень, листья вьются у ног маленькими ураганами. Мне не холодно, но я накинула куртку, потому что ему нравится трогать небольшие шипы, которыми она отделана. Они совсем не острые, но, если немного надавить, на коже остаются следы. Его это почему-то успокаивает.

Со стороны мы выглядели крайне нелепо. Я крупная, коренастая девушка, одетая, как неформал, с угольно-черными – явно крашеными – волосами, и он – высокий, поджарый и спортивный брюнет кавказской наружности. Суровые брови срастаются на переносице, но это нисколько не портит его. Такие пары встретишь редко, я вот до сегодняшнего дня никогда не встречала.

От него пахло дорогим шампунем и гелем для душа. Этот запах смешивается с ароматом прелых листьев, кучи которых можно увидеть на каждом бордюре, и этот запах и сейчас кажется мне самым прекрасным, что я вдыхала.

Луна светила так ярко и была расположена так близко, что мне казалось, что я могу схватить её и зажать в руке.

Я слушала о том, как он служил в армии, и улыбалась. Немного грустно, конечно, потому что понимала, что истории очень приукрашены, но утешала себя тем, что ему, наверное, важно было казаться более мужественным и героичным. Еще ни одна история не пострадала от парочки преувеличений. Мы шли рядом, но не касались друг друга даже рукавами. От этого в воздухе летали невидимые искорки.

Я остановилась и подняла голову.

Мы стояли под клёном, листья которого уже пожелтели, но ещё не опали. Через проталину в кроне было вид-

но сияющее ночное светило. Все еще близкое и далекое. Впрочем, как и человек, чье присутствие я ощущала всей кожей. Он непонимающе посмотрел на меня, но дальше не пошел.

– Что ты видишь? – спросила я у самого лучшего в мире мужчины, указывая рукой наверх.

– Ты тоже заметила чьи-то кеды на проводах. Высоко же. И как умудрились закинуть? – ответил он.

Я начинаю смеяться. Искренне и по-детски, как не смеялась уже несколько лет. Мой смех звенит колокольчиками, и ветер уносит его все дальше, будто пытаюсь поделиться им с жителями соседних многоэтажек.

– Снова что-то не то сказал? – спросил меня человек, которому принадлежит моё сердце. Я знала, что он не видит. Понимала, что для таких, как он, это слишком. Нельзя видеть больше того, что находится у тебя внутри. Кто-то таит в себе вселенную, а кто-то едва вмещает старую сталинскую однушку. Нельзя наполнить кувшин выше, чем до краев...

– Нет, Чемпион, просто удивлена тому, насколько мы разные. Смотря в одну сторону, видим абсолютно противоположные вещи...

«А что видишь ты?» – удивляется и как-то агрессивно спрашивает он.

Мужчины всегда агрессивно реагируют на все, чего не понимают.

– Луну, мальчик, самую красивую за всю свою жизнь...

P.S. Его не стало несколько месяцев назад. Уезжая в Армению в начале октября он сказал, что просто обязан защитить страну, где родился. Клялся, что как только вернется, мы поедem знакомиться с его семьей, а мне к тому времени обязательно нужно придумать, как мы объясним мою беременность его традиционной семье. Утешал, что они, конечно, какое-то время будут против, но только из-за того, что живут по старым заветам.

Смотри, сказал он, указывая на что-то за окном аэропорта.

– Да, вижу. Твой самолет уже готовят к вылету.

– Нет, глупая. Смотри, какие облака красивые. Похожие на корабль с огромными белыми парусами, как в той книжке – помнишь?

– Там паруса были алыми, – шмыгнула носом я.

– Так и ты не Ассоль, – прошептал он, наклонившись над самым моим ухом и рассмеявшись...

Юлия Плотникова

Призёр, 14 лет, ЯНАО, г. Новый Уренгой

Хозяин ветров

*... На церемонию обрядов
Явились духи на заре,
И под шаманским ритуалом
Стянулись звезды в хрустале.*

В устье реки стоял чум – старый и ветхий. Стоит он там, где нет леса, где замедляет бег бурная горная река. Откуда река вытекает и где ее устье, водится ли в ней рыба или какой зверь, никто не знает, а знают только, что земля там гола, как колено, и на восходе туман просвечивает, и там видны сияющие глаза белого журавля. И пуст тот чум уже много веков, и ветру не за что там зацепиться, он шершавит ягельные поляны и ласкает гладь реки.

Пошли однажды в те места молодой охотник Сатако и его пёс Сэрако на диких зверей охотиться. На второй день добыли они зайцев, рыбы наловили, поставили силки на куропатку и спустились к реке. Вечером поставил охотник на берегу шалаш, развел костер, сварил уху, поел и спать лег. Ночью Сатако проснулся от громкого лая Сэрако, вышел из шалаша и увидел перед собой великана. Близко уже подошел, встал на полоз шалаша. Рухнул Сатако наземь как подкошенный, и стало ему худо, в ушах зашумело, в глазах потемнело. Очнулся охотник в необыкновенном чуме – стены увешаны украшениями с драгоценными камнями и самоцветами, а темный конус чума царапает небо, курясь легким дымком. Стоит перед ним девочка, куда она ни взглянет, светло, как от солнца. Смотрит Сатако на девочку, наглядеться не может.

Подошла к нему хозяйка – лицо её неподвижное, в глубокой печали.

Поднесла ковшик с родниковой водой. Говорит:

– Пей, пей охотник!

Выпил воды Сатако и прозрел: «Да это же – жители ветров!». Женщина и говорит:

– Оставайся у нас. Возьми мою дочь замуж, отдам ее без всякого выкупа, да еще вторую половину чума получишь и сто оленей.

Охотник говорит:

– А где же хозяин твой?

– Два года прошло, как хозяин мой белым аистом обернулся и, раскрыв крылья, умчался в вышину.

– Выйду я за тебя замуж и клянусь, что буду самой верной и покорной твоей женой, – сказала девочка.

– Хорошо, – согласился охотник. – Женюсь!

И поженились.

Разбил стойбище своё Сатако и свой чум у реки поставил так, чтобы видеть друг друга, чтобы в гости ездить, и чтобы беду не проглядеть. И живет Сатако в зятях, с женой-красавицей и своим псом Сэрако.

Прошёл год. Закружился по серебряной тундре снег второй зимы, и поднялась страшная пурга.

Трещат морозы, дуют ветры,

Пурга дороги замела,

А вихри мчатся, как кометы,

На гриве белого коня...

День дует, другой дует – вот-вот чумы снесет, и пришел к чуму великан. Он спрашивает: «Кто это здесь живет? Кто хозяин чума?».

А Сатако отвечает:

– Кто это там говорит? Заходи в чум, если ты человек.

Послышался удар большого кулака. И задрожала земля, и влез великан по пояс в чум.

– Я много дней ничего не ел, и я съем всех твоих оленей.

Не испугался охотник, на это ответил:

– Мой гость, ешь, угощайся!

Великан съел несколько жирных оленей, быстро наелся и говорит:

– Спасибо тебе, хозяин. Чувствую, как прибавилось силы у меня в руках, как прибавилось резвости у меня в ногах.

Сказал тогда Сатако:

– Это хорошо, что ты пришёл ко мне в гости, проходи к огню, погрейся... Мой дом – твой дом.

– Понравился ты мне! – и только сказал великан, стихла в тундре пурга.

Встал великан на лыжи, и они сами повезли его в сторону реки. Въехал он в замерзшую реку и выехал из реки хозяином ветров.

И вошёл хозяин в свой чум, и обрадовались все его возвращению.

*Взошёл верховный повелитель
Грозных торнадо, смерчей и бурь
Осыпать серебром обитель
И заковать мороз в лазурь...*

Номинация «Тройка призёров Дмитрия Емца»

Полина Белова
Призёр, 17 лет, г. Пенза

Отсчёт

«Я начну отсчёт. Ладно? Не бойтесь и дышите. Всё будет хорошо. Главное – бегите. Бегите так быстро, как только сможете.

10...»

Голос, произносивший слова, отдаляется, тьма перед глазами уступает свету.

«9... 8... 7...».

Я вижу серое небо с бегущими по нему дряблыми бледными облаками.

«6... 5... 4...».

Пробую встать, голова кажется налитой свинцом. Я вижу трассу, уходящую вдаль, машин нет, а вокруг меня лес и ни души.

«3... 2... 1...», – произносит голос прямо над ухом, и я невольно срываюсь с места и начинаю бежать.

Сначала по дороге, а после, увидев тропинку, сворачиваю в лес. Я не могу понять точную причину своего поведения. Но мне страшно. Мне чертовски страшно. Страшно до тошноты, до озноба и потемнения в глазах. Я убегая от чего-то или кого-то. От опасности?.. Но не могу понять, от какой. Превозмогая страх, оборачиваюсь назад, чтобы понять причину, но мир гаснет.

«Я начну отсчёт, ладно?..»

Только не снова...

«Всё будет хорошо».

Я уже слышал это.

«Главное – бегите».

Я больше не могу. Пожалуйста, нет.

Снова серое небо проглядывает сквозь ветки деревьев, а я слышу неумолимый отсчет. И начинаю бежать. Как мне это остановить? Внезапно я вспоминаю, что сделал перед тем, как в прошлый раз отключился. Я посмотрел назад.

Что я увидел? Не помню. Помню только момент, как поворачиваю голову, а дальше – тьма. Страх усиливается, кровь закипает и пульсирует.

Я должен что-то сделать.

Остановиться. Или упасть. Упасть оказывается легче: намеренно налетев на выкорчеванный из земли корень, я падаю.

И вновь люблюсь серым небом. Страх уходит. И голоса нет. Может, всё кончилось?

«Я начну отсчёт...»

– Кто ты? Зачем ты это делаешь?

«Это некорректный вопрос... 10... 9... 8...»

– Что значит некорректный? Стой. Прошу. Что или кто за мной гонится?

«7... 6... 5...»

– За что?

«4... 3... 2...»

– Почему я бегу?

«Потому что вы должны бежать, иначе вам навредят».

– Мне сложно думать, и я не могу вспомнить, как попал сюда. Это нормально?

«Это протокол выживания, мистер Браун».

– Может, у тебя нет имени?.. Значит... Назови свой номер.

«1189. Я – S-спутник, нацеленный следить за вашим состоянием. Вы приобрели мою программу и вживили в ткани организма. Моя функция – следить за здоровьем, обеспечивать защиту».

– В чём заключается угроза сейчас?

«Ваша жизнь, мистер Браун. Она вредит вам. Вы ис-

пытываете стресс, плохо питаетесь, склонны к вредным привычкам, вы ненавидите каждый день своей жизни. Я вынуждена задействовать протокол экстренной защиты».

– Ты хочешь, чтобы я сбежал от собственной жизни?

«Вы снова испытываете стресс, мистер Браун. Вы вынуждаете меня вновь начать отсчёт».

– Нет, пожалуйста. Я люблю свою жизнь и отменяю протокол.

«10... 9... 8... 7...»

– Я отменяю протокол, слышишь? Прекрати. Я больше не буду убегать.

«6... 5... 4... 3...»

– Пожалуйста...

«2... 1... Мне жаль, мистер Браун, но я вынуждена попросить вас бежать, бегите так быстро, как только сможете, и не смотрите назад».

Он вновь бежит. Ветки царапают лицо, а воздуха не хватает. Постепенно лес рассеивается, уступая место пустынному пляжу. Вдали бушует темная морская вода, окутанная белой дымкой влажного тумана. Мистер Браун падает на холодный бледный песок и пытается выровнять дыхание.

«Какой жизни вы хотите?».

– Что?

«Вы совсем не задавались этим вопросом, мистер Браун. Может, настало время?».

– Я не знаю, я просто хочу быть счастливым...

«Что для вас значит быть счастливым?».

– Я... я не знаю...

«Вы терпите ненавистную работу, унылых и неинтересных для вас людей, и вечерами искренне улыбаетесь только курьеру доставки еды. Зачем вы это делаете? Почему вы живете такой жизнью, если даже не знаете, в чём для вас заключается счастье?»

– ...

«Мистер Браун? Ваше молчание активирует протокол заботы, и я вынуждена поинтересоваться, всё ли хорошо?».

Серые волны безжалостно сражаются за право первыми разбиться о берег, а мистер Браун сидит и смотрит в морскую даль, продолжая хранить молчание.

«Страх. Я не создавала его, а лишь вызвала из ваших воспоминаний. Каждое утро вам страшно, мистер Браун, страшно, что ваша жизнь никогда не обретёт смысл. Но ответьте, стоит ли убегать от нее? Я не хотела использовать такие методы, но иной способ не был бы столь действенен. Я заставила вас бежать, чтобы показать то, на что похожи все ваши стремления в маленьком офисе или среди круга коллег. Пора это изменить».

– Я всегда мечтал научиться готовить...

«Я могу найти в сети информацию по этому вопросу, если захотите».

– Спасибо тебе.

«Я не испытываю чувств, но могу выразить радость на основе данных мне ресурсов».

– Моя память вернётся?

«Конечно. Это временный эффект, но боюсь, я нарушила протокол взаимодействия с клиентом, заставив вас бежать. Это грозит моей системе. Прошу прощения».

– Стой. Я не в обиде.

«Обнаружен дефект S-спутника, активируется протокол безопасности клиента, до полной ликвидации всех системных данных 10... 9... 8...».

– Нет! Постой же!

«7... 6... 5... 4...»

– ...спасибо тебе.

«3... 2... 1... Прощайте, мистер Браун...».

Голос умолк.

Мистер Браун проверил мобильный и увидел файл, что был им получен всего пару секунд назад. Сборник рецептов блюд для начинающих.

Пора прекратить бежать.

Илья Набиулин

Призёр, 14 лет, г. Тамбов

Совершенство

Совершенство... Испокон веку человечество стреми-лось к нему. Идеальная архитектура, идеальная система общества, идеальный мир... Даже некоторые люди сейчас идеальные. Программа «Мундум» уже как несколько лет ставит опыты над людьми, и только недавно появились первые результаты. Говорят, что у их испытуемых нет биологических потребностей, они имеют совершенное сознание, даже, скорее всего, смогут найти Смысл... На словах у них получается красиво... а на самом деле все го-раздо не так, как они говорят.

Кто, как не я знает про их «грешки», про их темную сторону? Ведь именно я когда-то был в их рядах и с рав-нодушным лицом отдал своего сына, о чем больше всего жалею.... Каким нечеловеческим мукам подвергаются ис-пытуемые! Жаль, что я узнал об этом слишком поздно... Все время я думал лишь о светлом будущем маленького Тима; и какой же ценой я заплатил за него! Не лучше ли достичь совершенства другим способом?

Еще недавно у меня было все: место, дом, семья - но из-за морали это пропало. И где же я теперь? Иду по са-мому нижнему ярусу Земли. Как же быстро я ушел с вер-хушки!

Совсем скоро прибудет космолет для меня на одну из многочисленных планет с ресурсами. Это, по крайней мере, лучше, чем быть бездомным...

Ход моих мыслей остановил протяжный гул: это не-большой беспилотник в форме пули прилетел по мою душу. Засунув билет с красочным рисунком дерева, двер-ца космолета открылась. Я забрался в крохотную комна-тушку полностью белого цвета, от которого в глазах ря-

било. Вновь раздался тот самый гул, и мое путешествие началось.

Во время полета я ни о чем не думал. Голова пуста, как чистый лист. Душа мертва.

Я не помнил ни путешествия, ни выхода из космического корабля, мой мозг был отключен, и лишь обоняние вернуло меня в реальность: вокруг был сладкий запах цветов и застывшей смолы. Огляделся вокруг и подивился красоте вокруг: огромные стройные сосны, высокая трава, а вдалеке – пруд. Но это был лишь единственный миг просветленья...

Наставшую тишину нарушил электронный голос из космолета, приказавший мне начать работу. Внезапно я стал машиной. Взял из беспилотника топор и начал нещадно рубить деревья. Раз за разом деревья с треском падали на землю. Но я не чувствовал усталости. Ведь работал не я. Работали руки.

Где-то к концу вечера прилетел дрон, и я сложил в него всю древесину. Только после того, как летающая машина скрылась за горизонтом, я как убитый повалился в серый беспробудный сон.

И так день за днем. Жизнь казалась скучной и бессмысленной...

Но вдруг я словно проснулся.

Был, как и всегда, пахнущий свежестью солнечный день. Я, как заведенный, вырубал уже который гектар леса. Но вдруг мой алгоритм дал сбой. В нескончаемый поток цифр вкралась ошибка. Божественная ошибка...

Я и сам не понял, что вдруг произошло. Просто заметил прямо перед собой высоченный дуб.

Таких огромных деревьев я никогда и не видел, даже не знал. Вообще, я на Земле никогда не видел настоящего дерева: там все было муляжом. Деревья, вечнозеленые,

были лишь для красоты, и не трудно было заметить в них симметрию. Но вот предо мной распростерлось во всей своей красе настоящее царь-дерево в окружении своих слуг.

Дуб был так широк, что хотелось тотчас же обхватить его руками. Кору испещряли множество морщин, а ветви, казалось, могут достать до неба. У самых пят старого древа лежали ковром опавшие желуди. А главное – запах! Какой сладкий и обворожительный!..

Я был удивлен, нет, ошеломлен. Во мне что-то щелкнуло, перевернулось. Вот оно, где, настоящее творение природы! Вовсе не идеальное, но такое красивое!..

Сразу же я сломал дрон топором, чтобы тот больше не прилетал, а из оставшихся вырубленных деревьев за три недели сделал себе небольшой домик у пруда, ведь сон в беспилотнике мне уже конкретно поднадоел.

После окончания стройки я, облегченный, вышел на луг. Лишь одна мысль будоражила меня: «Как всего лишь одно из триллионов деревьев смогло полностью перевернуть мою жизнь? Как?!» Сам того не замечая, я вышел на холм. Небольшое дуновение ветерка смогло вернуть меня к реальности. Подняв глаза, я зачарованным взглядом оглядел необъятные природные просторы планеты и радостно вздохнул.

Ведь с этого момента начинается моя новая жизнь.

Тарас Шевченко

Призёр, 27 лет, г. Кемерово

Судьба дракона

Каждая чешуйка исполинского существа была покрыта пылью и вместо яркого блеска она лишь тускло светилась, практически не отражая солнечные лучи. Пока его сородичи яростно звенели своей естественной броней и громко ворчали низким гулом у кормежных стендов, Ироллион лишь негромко скрипел, ерзая перепончатыми крыльями, покрывшимися прорехами. Изредка другие драконы подходили и бодали его своей кривой головой, подталкивая к выходу и кормушке, но туша природной стали была непоколебима. Вместо благородного рыка пасть производила лишь тихий стон, вперемишку с густой едкопахнувшей жидкостью, которая разъедала дно пещеры. Ямка под головой имела размеры приличной лужи.

— Он все еще не ест? — спросил молодой драконюх у того, кто наполнял стенды питательной массой.

— Нет, но драконы умеют голодать, — голос первого драконюха был печален. — Проблема больше в том, что он отказывается летать. Кровь совсем застоялась, уже капает вместо слюны.

— А что не так с его кровью?

— Кто тебя вообще к драконам подпустил, если ты не знаешь базовых вещей? — старший нахмурился. — Драконья кровь слишком густая, и сердце не может гонять её самостоятельно. Чтобы кровь ходила нормально — им нужно летать, чтобы мышцы от крыльев разгоняли специальные меха внутри. Только так они могут нормально жить. Летая каждый день. Клетка для дракона — это медленная мучительная смерть...

— А почему он перестал летать? Разве ему не больно?

— Ему страшно. Небо для него означает лишь боль.

Его подвел собственный всадник, который закрылся им от стрел, – драконюх сплюнул на землю. – Большую часть дракона не пробить, уязвимы лишь крылья и часть, где спина перерастает в хвост. Ироллион от боли не удержал равновесия и упал. Всадник все равно погиб, но зверь выжил. Раны не до конца еще заросли, но на короткий перелет сил должно хватать.

– Но он не хочет...

– Не хочет захотеть. И все-таки, как тебя зовут? Твое лицо знакомо, но имя вспомнить не могу.

– Константин. – На лице молодого парня вспыхнула краска стыда, но скрываться он не стал. – Константин, из Белого рода.

– Ох... – пожилой драконюх боролся между гневом и сочувствием. – Так ты...

– Да. Это дракон моего отца, – юноша прятал глаза. – Я хотел узнать правду о том, как он погиб. Мать не стала мне рассказывать подробности.

– Твой отец погиб бесчестно и трусливо, – он смотрел Константину прямо в глаза. – Он мало того, что подставил благородного зверя, так и все равно разбился. Твой род больше не имеет права быть всадником, если ты пришел заявить свои права на дракона.

– Я просто хотел все узнать... – из глаз мальчишки текли слезы, – ничего более. Но... Можно мне поговорить с ним?

– Делай, что хочешь, – старый драконюх безразлично сморщился и ушел. – Ему осталось недолго. Чешуя совсем блеклая, это кровь начинает гнить внутри.

– Не уверен, что ты хочешь меня видеть, – потухший глаз дракона был размером с голову мальчишки. – И нельзя ничего исправить. Вы не справились. Я не виню тебя.

– Ууurr, – лишь тихо протянул дракон.

– Я знаю – тебе страшно и больно. Ты так боишься вновь упасть, что не можешь подняться, – по лицу юно-

ши текли слезы. – Тебе больно, и ты не веришь, что боль пройдет. Ты не умеешь разговаривать, но ты понимаешь меня.

– Рррур, – дракон устало закрыл глаза.

– Ты умрешь, понимаешь? Неужели тебе так страшно взлететь, что ты готов умереть? Вот здесь, в темном углу?

– Ууууур, – протяжно заскулил дракон.

– Пойми, ты не виноват в том, что случилось. Да, боль не утихнет. И больно будет еще. И еще, – Константин попытался приподнять голову дракона. – Жить дальше страшно и невыносимо, но ты можешь это изменить.

– Ррррр, – на попытку поднять его, дракон начал рычать.

– Никто не сможет сжечь твои воспоминания. Но я могу помочь получить тебе новые. Нужно всего лишь разрешить помочь тебе.

– Ррыр! – рывкнул дракон и попытался отвернуться.

– Ты умираешь, пойми! – юноша начал кричать. – Неужели это не важно для тебя? – уже не заботясь о своей безопасности, он начал тянуть голову дракона к выходу. – Вставай, глупое животное! Ну же!

– РРАРГХ! – недовольный дракон впервые за долгое время заговорил в полный голос.

– Ты все равно умрешь! Так умри как дракон! А не как грязный червь! – мальчик кричал так громко, что остальные драконы начали недовольно ворчать. – Вставай и лети! Взлети так высоко, как сможешь, улети так далеко, насколько хватит сил!

Юноша тянул дракона к выходу, но не мог сдвинуть тонны живого веса. Константин кричал, колотил его по морде, но это лишь вызывало все большее и большее ворчание огромного зверя. Но тут случилось неожиданное. Несколько других драконов подошли к ним и начали аккуратно тянуть Ироллиона за крылья и подталкивать его к выходу. Мальчик ликуя кричал, и вместе они смогли сдвинуть дракона с места. Чешуя вяло бряцнула,

крылья натужно расправились, глаза начали слезиться от лучей яркого солнца.

– Твои братья и сестры верят в тебя. Я верю в тебя. Ну же, лети, умоляю тебя, просто лети!

Исполин расправил плечи, подошел к залитому светом выходу, взмахнул израненными крыльями.

И взлетел.

Номинация «Тройка призёров Евгения Бабушкина»

Дарья Пищулина

1 место, 23 года, г. Уфа

Чёрные риэлторы

Я – маленький человек. Слабый, хилый. Почти импотент. Раньше был большой. Выставки у меня были. Люди приходили, смотрели. Женщины сами в кровать прыгали. Они мне готовили. На коленях по жилплощади с тряпкой ползали. Когда родилась Катюха, я стал еще больше. Во вселенную не умещался. Праздновал. Когда впервые Катюху увидел, она заревела из-за моего перегара. Да так громко. Я еще сказал ее матери – человечеством будет. Вся в отца. И успокоился. Что ее воспитывать, если она так орать умеет? А Катюхе все обещал, что приду завтра и отведу ее на мультик. Но какие мультики, когда выставки, фуршеты, интервью в городских газетах? Оно все такое огромное было вокруг, что Катюхе места как-то не получалось найти.

А потом все стало уменьшаться. Катюхе двенадцать или четырнадцать было, когда я купил билеты в кино. Пришел к ней. Ноги о коврик вытер. Шапку снял. Позволил. Катюшка вышла. Протянул билеты. Довольный стоял. А она скуксилась. Не надо, пап. Я мультики не смотрю. И вот тогда все схлопнулось. Размером с ниточку холста стало.

Выставки мои как-то прекратились. Женщин я больше не звал. Стеснялся. Боялся, они уберутся, полезут в постель, а я не смогу ничего. Ссутулился, поседел, но держался. Завел страничку в интернете.

Интернету я рассказывал всякое про знаменитостей. Фотографировать начал. Антиквариат собирать. Любо-

вался. Вроде вещи эти – развалюхи, но в них достоинство есть. С Катюхой не общался.

Так и жил. А как-то утром в дверь зашкрябали ключом. Я с кровати слез, в коридор прокрался. Думал, воры. Приготовился. Как дверь открылась, заорал, замахнулся. Вижу, женщина стоит с ребенком на руках. Красивая такая, бледная. А ребенок давай криком захлебываться.

– Вы – Николай Васильевич? – пискляво спросила женщина и сразу перестала быть красивой.

– Я.

– Вероника Михайловна, а это, – она потрясла ребенка, – Платон. И сразу прошла в мою мастерскую. Поморщилась.

– Заберите свои вещи. И хоть в коридоре подметите. Знали же, что ребенок будет.

Я растерялся. Сходил за веником, подмел. Начал было вещи из мастерской выносить, но опомнился. Громко поставил мольберт на пол.

– Что это тут творится? Вы кто? Какое у Вас здесь право?

– Мы с мужем эту комнату купили. Вам дочка, видимо, забыла сказать. Вы ведь съезжать будете и свою долю квартиры нам как раз продадите.

Ничего я им продавать не собирался. Нет, ну это ж надо так врать! Позвонили Катюхе. Она все подтвердила. Потом они еще долго по телефону скандалили. А я пошел, почти побежал в комнату. Захлопнул дверь. Сел на краешек кровати и трясся.

Вечером пришел муж. Анатолий. Работяга. Суровый. Вероника Михайловна загремела посудой.

– Ка-ак, – закричал Анатолий.

Ударил по столу. Посуда жалобно зазвенела. Послышались шаги. Я одеялом накрылся с головой. Хлопнула дверь мастерской. Заплакал Платон. Я всхлипнул.

По утрам я ходил фотографировать улицы, но остался дома. Как они ушли, лежал еще полчаса, набрался

храбрости, встал. Добежал до кухни, схватил хлеб со стола и обратно в комнату. В полдень ко мне зашёл Анатолий. Сказал, что его обманули чёрные риелторы, и что, если я не съеду, он меня убьёт. Я смотрел в пол.

Трясущимися руками я напечатал обо всем на страничку. Никто не ответил.

Вероника Михайловна с Платоном в мастерскую не вернулись. Анатолий всю ночь гремел в квартире. Ушел рано. Я сразу побежал в туалет. Там все с мясом выдрано, унитаз с раковиной разбиты. Воды нет. Пошел умыться из чайника. На кухне он сломал плиту. Посуду перебил и еду выбросил.

Я вышел на улицу. Умылся и голову помыл в пруду. Пришел в полицию. Они развели руками. Не в их компетенции.

Написал об этом в интернет. Никто не ответил.

Вечером зашел в мастерскую. Достал с антресолей коробку с Катюхиными рисунками и поделками. Она мне дарила. Взял и выбросил. Кому оно нужно?

Они вернулись во вторник. Я выпил рюмку, вышел их встречать. Они улыбались. Мерзко, слащаво.

– Колян, – забасил Анатолий, – давай мы тебе купим дом в деревне. А? По рукам?

Я помотал головой.

Анатолий разбежался и ударил ногой в дверь моей комнаты. Потом еще раз. Еще. От каждого удара я подпрыгивал. Слезы по лицу так и катились. Думал одно: «унижен». Дверь слетела с петель. Анатолий махнул жене, и они вместе с орущим Платоном ушли в мастерскую.

Я об этом написал. Опубликовал. Никто не ответил.

А унижение грызло меня. Пылало на щеках. Сушило горло. Я выпил самогону, оно стало сильнее.

Унижен. Унижен.

Нет, я так это не оставлю. Мужчина я или кто? Думал я и рос. Я уже не умещался в свою квартиру. Надо было что-то предпринять.

Я написал об этом на свою страничку. Никто не ответил.

Я взял свое старое охотничье ружье. Зарядил. Зашел в свою мастерскую. Выстрелил в потолок.

Написал в интернет, что захватил заложников. Я потом уже узнал, что мне ответило две тысячи человек.

Платоша орал. Под окнами вопили полицейские машины. Вероника Михайловна была совсем бледная. Анатолий ринулся на меня. Я не помню, как выстрелил.

Не помню, как убил человека.

Но, товарищ судья, я хоть и маленький. Бессмысленный. Почти импотент. Не жалею. Я наконец-то снова чувствую себя мужчиной, понимаете?

Дарья Сотникова

2 место, 20 лет, г. Москва

И кто-то нас миловал

Тоня любила целовать мокрицу, проросшую из трещин асфальта.

Поутру ресницами ласкала заспанные брови солнца. И шлёпала в земляной мякоти щекотать дёсны зубной щёткой, хлюпать носом, чай с чабрецом кипятить. Кивать всем прохожим (по рыхлой, сочной прохладе) – бурундукам, кошкам, дворовым козлятам, сторожу дяде Валере (всегда улыбчивому, всегда немому). Тоня очень любила на кухне – гладить шиповник и его розы. Болтать с синицами, копать картошку на грядках в гостиную. Улыбаться оленям севера, любила дрожать за них – перед экраном фильма ужасов. Любила немое кино, немые рассветы, марионеток, свешенных с потолка. С чуть жутковатой лыбой застывших, кем-то кинутых.

И с ними рядом ей всегда было чуть холодно, неудобно. Их фарфоровые туфли отражали Тоню похожей – куколкой, повязанной кем-то за конечности и лишённой воли. Но Тоня

живо отмахивалась, неслась вихреваться с ветром по коридорам. Только холод, бывало, не отступал, и тогда колели пятки. Она вдруг замирала у зеркала в парадной, замолкали муравьи под её одеялом. И казалось: кто-то пристально за Тоней приглядывает, всю её истрогивает до последней веснушки, последней родинки. Тоня дёргалась и кривлялась, стараясь со всей себя сбросить путы, омыться. Потом приходила в себя и садилась учиться. У кошек. Невозмутимости перед временем. Хихикала, танцевала вдоль линий ручьёв, сочащихся в стенах, лакала их.

Детишки забавно гоготали, стоя у дома с безумной Тоней. Дом этот был из комнат, прозрачных, пустых, схваченных целлофановой обёрткой. Весь его колыхал витрина, а девчушка внутри весело дрыгалась, временами потряхивала подбородком. Голенькая, продрогшая, узаконенная потеха. Носилась из спальни в кухню, по коридору, играла

туфлями марионеток, жадно лизала стены, а потом смотрела куда-то долго. И тогда все- все её видели. Зрачи, оплавленные по краешкам, а по центру – пылающие. Тоня просто смотрела – глаза в глаза – всему свету. Так было кому-то надо.

Детишек отдирали родители с каменными лицами, тащили в лицеи, бассейны, торговые центры. За собой – в могилы. А город еле пульсировал, издыхая бескровием. Где-то на севере очень дрожал олень с одним рогом. И обрубком второго, только что спиленного.

За килограммы оленьих рогов кого-то спаивали водкой, кому-то восторги кололи, а кто-то тихонько выл. Багряной Луне об оленьей дрожи и детях в торговых центрах.

У кромки самой багряной Луны Тоня исправно была – небу была, и смотрелась в звёзды, и подержанно всхлипывала. Иногда Луна жалилась, и Тоня видела: весь целлофан, все детские гоготы, пустоту своей обители. Всё, как есть, видела, дрожала от холода, и вопил сторож Валера. О небе вопил, о любви, о милости.

Наутро Тоня всё забывала, шла целовать мокрицу.

А снаружи – трескался асфальт. И одна (со всего бескровного города) девочка протягивала замёрзшие пальчики к зелени. Касалась её губами, закрывала ресницы. Тогда Тоня кусала ногти, тонко лыбилась. И прикладывала ладошку к асфальту, согреваясь, пульсируя. Где-то на севере засыпал олень, и кто-то нас миловал.

Александра Федоскина

3 место, 21 год, г. Москва

город

уставший забытый северный город. порт. аэропорт. порт. панельные дома выходят из моря. или уходят в него. уходят под — потому что люди уходят над. в аэропорт. в самолёт. в небо. в другой город. в другие города.

не было видно, где кончается небо, где кончается море, где кончается ветер и преломляется свет. чайки учились читать по губам. губы вели дискуссию о дисперсии. дисперсия причёсывала волны — ей было всё равно, что о ней говорят. волны. главное — волны.

единственным ориентиром была лестница от причала. её строил прадед, чинил отец. по ней спускался дед, поднимался сын. падая с неё, внук разбивал колени, но правнук её даже не увидит. винтовая лестница в сердце города. солнечное сплетение. удар под дых. ржа ест железо.

железо есть в яблоках. правнук ещё не дорос до яблок. тем более, здесь их нет. уже нет. здесь уже ничего нет.

и правнука в мягкой колыбели увозят в аэропорт.

уставший, забытый северный город с колючими, как свитер полярника, густыми заиндевелыми бровями гладит китов. а они поют ему о том, что было, о том, что теперь. но только не о том, что будет. он знает, люди вернутся. пока горит свет — не страшно.

не страшно не страшно страшно мне страшно не страшно мне страшно мне страшно не

всё началось, когда тебя ещё не было, и закончится, когда тебя уже не будет.

а на двери висит запылившаяся табличка, на которой аккуратным почерком выведено: «кто последним будет улетать отсюда — не выключайте, пожалуйста, свет в аэропорту».

Содержание

Дорогие читатели... и писатели!.....	3
Состав жюри конкурса.....	4

Лауреаты конкурса-2021

Возрастная категория «12-17 лет»

1 место. Виолетта Кунина. Кот Шредингера.....	5
2 место. Елизавета Курочкина. Брусника.....	8
3 место. Ульяна Рыжикова. Где-то в стратосфере.....	11

Возрастная категория «18-24 года»

1 место. Лидия Леонтьева. Уж.....	15
2 место. Виктория Миско. О, хорошие люди снова с нами..	19
3 место. Артур Ямалетдинов. Солнце, вот он я.....	23

Возрастная категория «25-30 лет»

1 место. Лина Кирилловых. Гипсовый человек.....	26
2 место. Ангелина Ткачева. Муравьи.....	29
3 место. Татьяна Дёмина. Оно живет под кроватью.....	33

Номинация «Семейные традиции»

Мария и Ирина Соляные. Звонок в прошлое.....	35
--	----

Номинация «Выбор Центра чтения»

Дмитрий Акиншин. Попытка.....	39
Светлана Лукошкина. Не Ассоль.....	42
Юлия Плотникова. Хозяин ветров.....	45

Номинация «Тройка призёров Дмитрия Емца»

Полина Белова. Отсчёт.....	48
Илья Набиулин. Совершенство.....	52
Тарас Шевченко. Судьба дракона.....	55

Номинация «Тройка призёров Евгения Бабушкина»

Дарья Пищулина. Чёрные риэлторы.....	59
Дарья Сотникова. И кто-то нас миловал.....	63
Александра Федоскина. город.....	65

Дорогие друзья!

Обо всех мероприятиях Самарской областной универсальной научной библиотеки, Самарской областной писательской организации и Самарской областной организации молодых литераторов можно узнать на следующих ресурсах:

www.libsmr.ru

www.литсамара.рф

vk.com/centr_chteniya

Присоединяйтесь к официальному сообществу конкурса «Сестра таланта» во «ВКонтакте»:

vk.com/sestra_t

Сестра таланта
Сборник работ финалистов 2021 г.

Редакторы-составители
Софья Сыромятникова
Екатерина Рябикина
Денис Домарев

Редактор-корректор
Олеся Клипикова

Издание подготовлено к печати
Самарской областной организацией молодых литераторов
г. Самара, ул. Самарская, 179
Тел. 8(846) 221-73-13

Подписано в печать 28.06.2021 г.
Формат 60х90\16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объём 4,25 п.л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии
Самарской областной универсальной научной библиотеки
г. Самара, пр. Ленина, 14А